

Правило 28 Четвертого Вселенского Собора, Халкидонского

Во всем последуя определениям святых отец, и признавая читанное ныне правило ста пятидесяти боголюбнейших епископов, бывших в соборе во дни благочестивые памяти Феодосия, в царствующем граде Константинополе, новом Риме, тожде самое и мы определяем и постановляем о преимуществах святейшия церкви тогожде Константинополя, нового Рима. Ибо престолу ветхого Рима отцы прилично дали преимущества: поскольку то был царствующий град. Следуя тому же побуждению и сто пятьдесят боголюбнейшие епископы, предоставили равные преимущества святейшему престолу нового Рима, праведно рассудив, да град получивши честь быти градом царя и синклита, и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет второй по нем. Посему токмо митрополиты областей, понтийские, асийские и фракийские, и такожде епископы у иноплеменников вышереченных областей, да поставляются от вышереченного святейшего престола святейшие константинопольские церкви: сиречь, каждый митрополит вышепомянутых областей, с епископами области, должны поставляти епархиальных епископов, как предписано божественными правилами. А самые митрополиты вышеупомянутых областей должны поставляемы быти, как речено, константинопольским архиепископом, по учинении согласного, по обычаю, избрания, и по представлении ему оною.

(Ап. 34; I Всел. 4, 6, 7; II Всел. 2, 3; III Всел. 8; IV Всел. 9, 17; Трул. 36, 39; Антиох. 9).

Настоящим правилом отцы халкидонского собора подтверждают дарованные 3 правилом II вселенского собора преимущества константинопольскому архиепископу и присоединяют к нему три провинции, которые должны составлять его область. Принцип, которым руководствовались отцы халкидонского собора при издании настоящего правила, тот же самый, которым руководствовались и никейские отцы, когда издавали свое 6 правило, равно и отцы II вселенского собора, когда издавали свое 3 правило, принцип, торжественно высказанный впоследствии Львом великим в словах: «преимущества святых церквей установлены правилами св. отец».

В частности, халкидонские отцы при издании этого правила строго следуют:

Установленной в церкви норме, чтобы, помимо важности происхождения известной церкви, всегда имелось в виду, при распределении церковных областей, и политическое распределение оных, равно и значение, которое данный город имеет в политическом отношении. Норма эта освящена была практикой апостольской церкви, учением всех святых отцов и учителей, как восточной, так и западной церковью, и наконец норма эта получила юридическое значение чрез определения соборов, как поместных Антиох. 9), так и вселенских (I 6 пр.; II 3 пр.; IV 17 пр.); вот выражением этой-то нормы, оправданной впоследствии практикой и восточной и западной церковью всех веков, и является теперь 28-е правило халкидонских отцов.

Следуют далее той общей норме, по которой каждый вселенский собор имеет одинаковые права в издании правил со всеми прочими соборами, причем один вселенский собор может, согласно потребностям церкви, видоизменять правило другого прежнего собора, которые не касаются веры и нравственности, а – дисциплины церковной, оставаясь, конечно, верным со всей строгостью духу церковного права. И это освящено практикой всего периода вселенских соборов. Сравнение I Всел. 5 и IV Всел. 19 с Трул. 8 и VII Всел. 6 может служить достаточным тому доказательством.

Наконец, отцы собора следуют коренному принципу церковного права – обычаю, который имеет столько же значения в вопросах церковной дисциплины, сколько и положительное право, – конечно, обычай, имеющий церковный характер, освященный прежде всего необходимостью и затем давностью. Обычай, освященный всею церковною стариною, служил надлежащим руководителем, как отдельных пастырей церкви, так и поместных и вселенских соборов. Василий Великий приравнивает обычай к писанному закону (Василия Вел. 87); I Всел. собор, на основании обычая, признал такие права за епископами александрийским и антиохийским, какими пользовался, согласно обычаю, римский епископ в своих областях (6 пр.). Халкидонские отцы, воображаясь с значением обычного права и руководствуясь примером никейских отцев, издали настоящее правило. После этих общих замечаний, которые нужно было предпослать, в виду важности этого правила, а главное в виду шума (употребляя выражение Флэри), поднятого из-за этого правила, перейдем к разбору самого правила.

Поводом к изданию настоящего правила послужило, по мнению римских богословов, честолюбие константинопольского епископа, стремившегося подчинить себе всех восточных патриархов, а затем в виду того, что он был епископом нового Рима, столицы императора (старый же Рим в политическом отношении был тогда в упадке), чтобы присвоить себе все преимущества римского епископа и сделаться первым епископом всего христианского мира. Что это неправда, – доказывает нам история восточной церкви IV и V веков, к которой и следовало бы обратиться этим богословам. Настоящим поводом, что признают и беспристрастные из западных богословов и что подтверждается множеством примеров из времен халкидонского собора и даже за восемьдесят лет до него, послужили беспорядки при назначении епископов в областях Азии (Малой), Понта и Фракии и постоянные замешательства, вызываемые этими беспорядками, что неблагоприятно отражалось на всех церковных делах. Никейский собор выдвинул значение обычая для права, на каковом основании каждый митрополит присваивал себе особенные, независимые от других или же и над другими права, оттуда беспорядки и замешательства в церковных делах. Доказательством неприглядного положения церковных дел в областях, которые наше правило подчиняет юрисдикции константинопольского престола, служит то, что мы знаем из деятельности константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста (397–404) по отношению к церквам этих областей.

В Малой Азии и Скифии глубоко укоренилась в конце IV века симония и ужаснейшая нравственная испорченность царствовала как в среде епископов и клира, так и мирян. Около 400 года в Константинополе находилось 29 епископов из упомянутых стран, между которыми и св. Феотим, митрополит томский, и Аммон, митрополит адрианопольский, прибывшие по разным делам, главным же образом – для изыскания средств к врачеванию всеобщего зла и для приобретения каждый для себя симпатий Златоуста. Один из них обратился к Златоусту с жалобой на другого из-за симонии. Обвиненным оказался Антонин, митрополит Ефеса (главного города Малой Азии). На соборе, составленном из епископов под председательством Златоуста, решено было расследовать дело. Между тем Антонин умер, и из-за его преемника явились в Ефесе еще большия

замешательства. Асийские епископы обратились за помощью к архиепископу константинопольскому, который прибыл в Ефес и, собрав епископов на собор, произвел избрание нового митрополита, низложил 16 епископов и на их места посадил новых. Однако, беспорядки не ограничивались Малой Азией, и константинопольский архиепископ принужден был восстановить порядок и в Ликии, и в Карие, и в Памфилии, и во Фригии, и в Понте, почти в половине восточной империи. Как широко простиралась власть Златоуста, можно видеть из историй Сократа, Созомена и Феодорита, которые власть эту относят к территории, впоследствии халкидонским собором присвоенной восьмому его преемнику по константинопольской кафедре. Таким образом все церковные дела помянутых стран поставлены были фактически в зависимость, вызванную необходимостью, от константинопольского архиепископа.

Порядок можно было с трудом восстановить, а посему, в предупреждение нарушения такового, император сделал распоряжение, чтобы каждое избрание епископов в Малой Азии и Фракии безусловно зависело от утверждения константинопольского архиепископа. Вследствие этого и для соблюдения порядка в названных областях, надзор этот вершили преемники Златоуста, один из которых, Прокл, получил нарочитую просьбу из Кесарии, чтобы он сам назначил им экзарха. Возражений против этого со стороны подлежащего епископа не последовало. Беспорядки все же продолжались, так как отдельные митрополиты, стоя на точке зрения, что ни одним из соборов надзор архиепископа константинопольского над ними не установлен, считали себя независимыми, и потому, следуя дурным своим обычаям, производили замешательства в церкви.

На 11-м и 12-м заседаниях этого собора рассматривалось дело двух ефесских митрополитов, Вассиана и Стефана, стремившихся одновременно управлять одной и той же кафедрой и возводивших друг на друга перед собором обвинения в неправильном поставлении. После разбора дела найдено, что ни тот, ни другой не могут считаться законными митрополитами, и решено – поставить нового митрополита. И чтобы впредь подобные случаи, повторявшиеся с половины предшествующего века и до халкидонского собора, не имели места, принята во внимание мысль, высказанная на этом соборе, что надлежит держаться доселешнего обычая и правилом его закрепить, а именно, чтобы митрополиты названных областей назначались архиепископом константинопольским.

Не честолюбие, таким образом, константинопольского патриарха выдвинуло это правило, а живая потребность покончить с беспорядками, угрожавшими падением церкви. Между всеми константинопольскими епископами от Нектария до Анатолия (381–451), патриаршья права в самом широком значении этого слова над Малой Азией, Понтом и Фракией осуществлял фактически Златоуст, и он, можно сказать, своей деятельностью был причиной появления 28 правила этого собора. Делал ли это Златоусте из честолюбия?

Необходимость, вызвавшая издание настоящего правила, всего виднее из послания, которое собор отправил к папе Льву великому. И доводы этого послания подтверждаются живыми фактами. В послании, вслед за решением, касающимся вопросов веры, говорится: «Уведомляем, что мы, для благочиния в делах и упрочения церковных постановлений, определили и нечто другое... Так, издавна имевший силу обычай (τό ἐκ πολλοῦ κρατήσαν ἔθος), которого держалась святая Божия церковь константинопольская, рукополагать митрополитов областей асийской, Понтийской и фракийской. и ныне мы утвердили соборным определением, не столько предоставляя что-либо константинопольскому престолу, сколько упрочивая благочиние в метрополиях; так как часто, по смерти епископов, возникает много волнений, когда клирики этих областей и миряне остаются без правителя и возмущают церковный порядок. Это не скрылось от вашей святости, особенно касательно эфесян, которые многократно беспокоили вас... Итак, что мы

определили для уничтожения всякого замешательства и для упрочения церковного благочиния, это благоволи, святейший и блаженнейший отец, признать своим, достолюбезным и приличным для благоустройства».

Видя такое положение вещей и стремясь восстановить порядок в церкви, халкидонские отцы издают это 28 правило, которым на первом месте устанавливают, что константинопольский престол имеет одинаковые преимущества с римским престолом и что в ряду первопрестольных епископов константинопольский должен занимать первое после римского место.

Этим отцы не издают нового правила, но повторяют правило, изданное тому назад 70 лет на II вселенском соборе, на что и указывают в вводных словах правила: «Во всем последуя определениям св. отец и признавая читанное ныне правило 150 боголюбнейших епископов, бывших на соборе во дни благочестивые памяти Феодосия, в царствующем граде Константинополе, новом Риме, тожде самое и мы определяем и постановляем о преимуществах святейшие церкви тогожде Константинополя, нового Рима». Следуя тому принципу, которым руководствовались отцы I вселенского собора, при признании за римским епископом права на первое место между первопрестольными епископами, отцы признают этот принцип и своим, замечая: «Ибо престолу ветхого Рима отцы прилично (εἰχότως) дали преимущества: поскольку то был царствующий град (διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν πόλιν ἐκείνην)» и постольку больше они признают этот принцип, поскольку он освящен и авторитетом II вселенского собора, который дал ему выражение в своем 3 правиле, постановив, что по тем же основаниям, по которым отцы I вселенского собора признали преимущества за престолом «ветхого» Рима, должны быть признаны такие же преимущества и за престолом нового Рима, ибо новый Рим возвышен теперь на степень царствующего града, каким был «ветхий» Рим.

Верные, таким образом, принципу отцев первых вселенских соборов, отцы этого собора подтверждают существовавшее правило II вселенского собора, по которому константинопольский епископ должен иметь одинаковые преимущества с римским и будет «второй по нем», т.е. на собраниях займет второе место после римского епископа, который будет первым.

Из слов «второй по нем» некоторые хотели вывести заключение, будто константинопольский престол имеет совершенно одинаковую честь с римским престолом и что «после» (μετά) должно быть отнесено лишь к последовательности во времени, а не к тому, будто он имеет низшую честь по сравнению с римским. Зонара обращает внимание на такое толкование и доказывает безосновательность его, сначала в комментарии на 3 правило II вселенского собора, а затем в комментарии и на это правило. «Кто так думает, говорит он, неправильно думает... Ибо выражение: «имеющий равные преимущества» (τὸν ἴσων ἀπολαύειν πρεσβειῶν) употреблено ради царской власти и синклита... Таким образом, сии св. отцы говорят, что, поскольку этот город, как и древний Рим, получил честь быть городом царя и синклита, он должен быть почтен и в церковных преимуществах, как тот, и должен иметь предпочтение пред всеми другими церквами, но быть вторым по нем (δευτέρων μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν). Ибо не возможно, чтобы он был удостоен равных прав во всех отношениях...» И чтобы показать почему это так, отсылает читателя к своим толкованиям 3 правила II вселенского собора, в котором, приведя несколько замечаний общего характера и СXXXI новеллу Юстиниана об отношении между первопрестольными епископами, продолжает: «Итак отсюда ясно видно, что предлог μετά означает умаление и уменьшение (ὑποβιβασμὸν καὶ ἐλάττωσιν). Да иначе и невозможно было бы сохранить тождество чести между обоими престолами. Ибо необходимо, чтобы, при возношении имен предстоятелей их, один занимал первое, а

другой второе место, и в кафедрах, когда они сойдутся вместе, и в подписях, когда то будет нужно. Итак, то объяснение предлога μετά, по которому этот предлог указывает только на время, а не на умаление (υποβιβασμόν), насильственно и выходит не из правой и доброй мысли (διανοίας οὐχ ευθείας, οὐδ' ἀγαθῆς)». И дальше – в комментарии на данное правило по тому же вопросу: «Ибо предлог μετά понимать, согласно с говорящими, в смысле указания на последовательность времени устройства столицы царства в сих городах, не дозволяет 36 правило Трулльского собора, когда поставляет престол Константинополя вторым после престола древнего Рима и прибавляет: «после онога да числится престол великого града Александрии, потом престол антиохийский, а за сим престол града Иерусалима». Ибо как по отношению к другим престолом предлог после (μετά) означает понижение (υποβιβασμόν); в таком же смысле он поставлен и по отношению к престолу Константинополя. Так и нужно понимать его. И приснопамятный патриарх божественный Никифор в 12-й главе, написанной им против иконоборцев, говорит следующее: «что они (иконоборцы) отвержены от кафелической церкви, об этом ясно свидетельствуют грамоты, присланные блаженнейшим архиереем древнего Рима, т.е. первого апостольскаго престола (τοῦτέστι τοῦ πρώτου καὶ ἀποστολικοῦ θρόνου)». Таким образом, Согласно толкованию одного из первейших комментаторов церковных правил, правило наше признало первенство римского епископа, за которым, как второй, следует епископ константинопольский. И здесь отцы халкидонского собора остались верными 6 правилу Никейского собора, признавая со всей строгостью римскую церковь первой; подобно же Никейским отцам, которые вовсе не давали римскому престолу каких-либо прав над другими престолом, а признали за ним лишь власть над собственным патриархатом в тех его границах, которые он занимал во время Никейского собора, причем такую же самую власть признали и за александрийским престолом над его территорией, равно и за антиохийским – над своей, халкидонские отцы не имели оснований ни давать римскому престолу таких прав, ни отнимать.

Мы выше сказали и примерами из церковного законодательства доказали, что все вселенские соборы, в отношении составления правил, имеют одинаковые права, пока, конечно, остаются верными духу церковного права. Памятуя об этом и имея пример в I вселенском соборе, который, своим 6 правилом о правах первопрестольных епископов и границах их власти, доказал, что вселенскому собору принадлежит право решать по мере надобности подобные вопросы, халкидонские отцы, утвердив своим правилом определение II вселенского собора о константинопольском епископе, обозначают границы, до коих его власть, как первопрестольного епископа, будет простираться. Определяют, что его область должны составлять три провинции, Никейским собором не отнесенные ни к римскому, ни к александрийскому престолом, а упоминаемые в его 6 правиле, как ἄλλαι ἐπαρχίαι, а именно: Понт с главным городом Кесарией, проконсульская Асия с главным городом Ефесом и Фракия с главным городом Константинополем.

В этих областях, согласно постановлению отцев, право посвящать митрополитов принадлежит константинопольскому епископу. Делая это постановление, отцы и здесь остались верными церковным правилам. Лишь посвящение одних (μονοῦς) митрополитов предоставляют константинопольскому престолу, но не избрание, так как право избрания принадлежит областному собору. Таким образом константинопольский епископ не должен вмешиваться в дело избрания; по согласно (ψηφισμάτων συμφώνων) состоявшемся избрании, он лишь посвящает новоизбранного митрополита. Кроме митрополита в упомянутых областях, константинопольский патриарх не имеет права посвящать других епископов, но «каждый митрополит вышеупомянутых областей, с епископами области, должны поставляти епархиальных епископов, как предписано божественными правилами». На слово «одних» (μονοῦς) Зонара, в своем комментарии, обращает внимание и говорит: «А слово «одних» сказано с тою целью, чтобы какой-нибудь из

константинопольских епископов не стал присвоить себе и рукоположения епископов; ибо эти рукоположения предоставлены каждому митрополиту, которому принадлежали изначала». И дальше, по отношению к правам константинопольского епископа, присовокупляет: «Но дабы не подумалось кому-либо, что сии святые отцы предоставляют в полную власть константинопольского епископа все, что относится до рукоположения, так чтобы в деле рукоположения он имел власть делать что ему угодно, они присовокупили, что митрополиты рукополагаются им по учинении согласного избрания и по представлении ему оногo, говоря таким образом почти следующее: епископ Константинополя не тех должен делать митрополитами, кого сам хочет, но избрания должен совершать подведомый ему синод, и на ком избирающие согласятся, из тех должен рукоположить, по представлении к нему самых избраний».

Мы уже знаем, что отцы халкидонского собора, присоединяя три упомянутые провинции к константинопольскому престолу, не иное что сделали, как то, что сделал и никейский собор своим 6 правилом, а именно: подтвердили, соборным постановлением, существующий обычай, давностью освященный. Руководствуясь этим принципом, они определили, что константинопольский епископ имеет поставлять епископов и у иноплеменников (ἐν τοῖς βαρβαρίχοις). И здесь для халкидонских отцев примером послужил Златоуст. Нам известны отношения между готскими племенами и константинопольским престолом, равно и деятельность Златоуста в этом отношении а). Следуя этому и видя притом постоянные сношения иноплеменников с константинопольским престолом, сношения непосредственные, отцы сделали такое постановление об них. «А под епископствами у иноплеменников, пишет Вальсамон, разумей Аланию, Россию и другие; ибо аланы принадлежат к понтийскому округу, а россы к фракийскому», иными словами,разумеются епископы народов, принявших христианство из Константинополя, однако не принадлежавших к римскому государству.

Несмотря на всю обоснованность настоящего правила, несмотря на законосообразность его как с канонической, так и с исторической точек зрения, все же оно вызвало резкий протест как со стороны легатов римского епископа на соборе, так и самого римского епископа Льва великого.

Первые, т.е. римские легаты на халкидонском соборе, протестовали по двум основаниям:

Ибо были последователями новой теории «папства», основание которой положил впервые Сириций своим декреталом от февраля 385 года, адресованным к испанским епископам; этот декретал, заметим кстати, есть первый и древнейший папский декретал. Эта новая теория «папства» с каждым днем все больше и больше укоренялась. Этому способствовали многие обстоятельства, как внутренней, так и внешней церковной жизни: внутренние обстоятельства суть – относительно спокойное в религиозных вопросах состояние умов, которые не в такой мере, как в иных странах, увлекались еретическими учениями; внешние же обстоятельства – многие влиятельные связи, созданные разными завещаниями: связи эти имели большое значение для церкви запада, не менее, однако, ценились они и на востоке. Феодорит кирский в одном письме к Льву великому замечает, что все обстоятельства так именно складываются, чтобы обеспечить первенство за римской церковью: все, что другие церкви имеют отличительного в себе порознь и что дает важность городу как в политическом, так и в церковном отношениях, все это римская церковь имеет в совокупности; далее, в политическом отношении, указывает на то, что Рим самый большой, самый блестящий, самый многолюдный город, что существующая империя ведет от него свое начало, от него и свое имя получила; в церковном отношении Рим славится мученической смертью Петра и Павла и их гробницами, в нем находящимися, служащими и для востока предметом высокого уважения. Этот

политическо-церковный характер римской церкви, ценимый и выдвигаемый и восточными, послужил основанием для особенного уважения к римской церкви и к ее епископу; впоследствии, когда церковь на востоке принуждена была вести борьбу с арианами, несторианами, новатианами и др. еретиками, авторитет Рима, не принимавшего непосредственного участия в этой борьбе, еще больше возрос, как то: при Иннокентии I и особенно при Целестине I, как посреднике в борьбе между Кириллом александрийским и Несторием константинопольским. Еще во времена Дамаса авторитет римского престола ценился на востоке высоко, вследствие тогдашних церковных нестроений. Блаженный Иероним ужасными красками рисует положение дел востока в религиозном отношении и указывает на рознь и смуту, которые там, вследствие арианства, воцарились. В письмах к Дамасу он завидует западным, далеким от нестроений востока, и призывает Рим, как небесного ангела, спасти православных востока от сетей арианства. Далее, он рисует свою борьбу с еретиками, которым в свою очередь указывает на престол Петра, как на зеркало чистого вероучения; а в своем письме к Дамасу от 377 года он сообщает, что на востоке царит смятение относительно того, который из антиохийских епископов находится в общении с Римом и которого следовательно должно признавать православным; в этом всеобщем смятении он обращается к верующей массе со словами: *si quis cathedrae Petri jungitur mens est*. При таком положении вещей, авторитет Рима в IV и V веках, волей-неволей, должен был возрасти не только на западе, но и на востоке. Хотя авторитет этого престола иногда страдал, напр. при Юлии, который увлекся савеллианством и провозгласил православным Маркелла анкирского, или при Либерии, который подписал арианский символ и осудил великого Афанасия, или при Зосиме, который признал православными еретиков Пелагия и Целестия, все же его авторитет стоял высоко и помогал укреплению той теории «папства», которую второй преемник Целестина, Лев великий, имел возможность развить с большой энергией. Этому содействовало еще и другое обстоятельство, которое мы не можем оставить без внимания. В то время, когда на западе царил полная тишина, на востоке происходила ожесточенная борьба партий; партии эти и особенно более слабые старались привлечь на свою сторону западных епископов и особенно римского, как самого влиятельного, задававшего тон всему западу. И так как очень важно было привлечь на свою сторону римского епископа, то нуждающиеся в его помощи не скупилась на комплименты, только бы достигнуть цели; и действительно, употребляемы были такие, даже унижительные выражения, которые в других обстоятельствах никогда бы не были употреблены. Не нужно при этом забывать и свойство языка, на котором писали, и щедрость греков на похвалы. Римские епископы, в свою очередь, смотря на все церковные дела с точки зрения своего первенства, установленного Сирицием, в выражениях восточных, которые они принимали в буквальном смысле, находили признание и подтверждение своей точки зрения, не соображаясь, однако, со смыслом, который давали своим выражениям употреблявшие их, ни с целью, ради которой они употребляли их. При таком положении вещей, «папская» теория на западе все больше и больше укоренялась; вот этой-то теории держались и римские легаты на халкидонском соборе и с ее точки зрения заявили протест против данного правила.

Второе основание – своеобразное положение самих римских легатов на этом соборе. На востоке новая «папская» теория была неизвестна; и если отцы собора, слыша ее впервые из уст легатов, не возвысили своего голоса против нее, то делали это, во первых, ради сохранения мира и согласия, столь нужных между первопрестольными епископами, именно в то время, дабы не вымать нового ефесского собора и побороть страшное монофизитство, и во вторых, ради пиетета, которым проникнуты были к Льву великому в виду догматического послания его, адресованного собору. И все же отцы собора не могли относиться к легатам с тою предупредительностью, с какою отнеслись бы, если бы последние не развивали перед ними этой своей теории. Это сдержанно-холодное

отношение восточных епископов к легатам и было ближайшей причиной их оппозиции, которую мы назвали своеобразной, к этому правилу. Мы могли бы ее назвать подлинно злобой к восточным вообще и к константинопольскому епископу в особенности, ибо их поведение после 15-го заседания и до отъезда во свояси (о чем будет речь ниже) нельзя характеризовать иначе. Как выразили свой протест легаты Рима?

На 15-е заседание этого собора, на котором имели быть изданы правила, легаты не хотели придти, хотя вторично были приглашены. По их просьбе, состоялось 16-е заседание. На этом заседании один из легатов заявил, что они узнали, что в их отсутствии установлено нечто, что «мы считаем противным правилам и церковному благочинию, а посему принуждены просить, чтобы теперь перед всеми прочитан был протокол вчерашнего заседания, дабы вся братия знала, справедливо ли или несправедливо то, что установлено». По требованию императорских комиссаров, архидиакон Аетий, секретарь собора, заявил: «На соборах было всегда в обычае, по окончании главного дела, заняться другими необходимыми вопросами... Мы просили господ епископов из Рима принять участие и в решении этих дел, они отказали, говоря, что не получили на это инструкций... То, что вчера решено – оно здесь; ничего не сделано тайно, воровским образом, а дело велось правильно и канонически». Императорским секретарем прочитан был затем текст нашего правила и подписи присутствовавших епископов, между которыми, кроме Анатолия константинопольского, значились подписи: Максима антиохийского и Ювеналия иерусалимского; александрийский престол не был замещен. Видя из протокола, что все сделано строго канонически и не имея что возразить, легат Лукентий, который больше чем другой проникнут был злобой к восточным, сделал следующее неблагородное и оскорбительное заявление, «что отцы по необходимости и по принуждению подписали эти правила», на что единогласно всеми отцами дан был гневом дышащий за нанесенную их свободе и чести епископской обиду ответ: «никто никем не был принуждаем». Возможно ли, позволительно спросить, и подумать о каком-либо принуждении, раз на заседание приглашены были и сами легаты. Смущенный и посрамленный Лукентий сослался на правила Никейского собора, будто они этим (28) правилом повреждены, дабы только оправдать свое неуместное замечание; императорские комиссары позвали сначала легатов, а затем прочих епископов-показать правила. Тут легаты осрамились вторично, ибо уличены были в явной лжи. Один из них прочитал из какого-то своего сборника 6 правило в искаженном виде, а именно: «Церковь римская всегда имела первенство, пусть и Египет». Конечно, еще большим презрением прониклись отцы, когда увидели, к каким средствам прибегают противники. То же самое правило прочитано было императорским секретарем Константином из сборника, который ему предложил секретарь собора, и легаты были избличены в явной лжи. После этого они в течение всего заседания не нашлись сказать ни единого слова.

Вследствие оскорбления, нанесенного Лукентием чести епископов, и дабы не осталось и тени подозрения на отцах, голосом своим укрепивших подрываемое монофизитством православие, императорскими комиссарами позваны были епископы Азии и Понта, которые, если вообще принуждение имело место, первые должны были быть принуждены, так как именно их области присоединены были теперь к константинопольскому престолу, – позваны были изъясниться по очереди: «по своему ли желанию подписали указанную статью, или же к тому были принуждены». Торжественным образом каждый из них письменно заявляет, «что не по принуждению с какой бы то ни было стороны, а добровольно и по собственному побуждению подписал; Евсевий же, епископ дорилейский, заявил следующее: «Я добровольно подписался, ибо это правило (3 правило II вселенского собора) мною прочитано было и святейшему папе римскому в присутствии константинопольских клириков, и он принял его».

И этого было бы довольно для опровержения лживой напраслины, возведенной на св. отцев Лукентием; однако в виду того, что некоторые отцы, подписей которых не значилось на протоколе, присутствовали на этом заседании, то и они, дабы не осталось и тени сомнения, будто это правило не есть общее решение собора, позваны были императорскими комиссарами высказать свой суд об этом правиле, что они и сделали в смысле согласия; Фалассий же, еп. Кесарии каппадокийской, экзарх Понта, сказал так: «мы присоединяемся к господину архиепископу Анатолию и подтверждаем оное».

После такого единодушного свидетельствования всем собором вообще и каждым отцем в частности, не находя притом нужным обращать внимание на безрассудные замечания легатов, императорские комиссары утвердили решение 15-го соборного заседания и, повторив в кратких словах 28 правило, предложили собору провозгласить его снова, сегодня же, соборным решением, что отцы единодушно и исполнили. При таком положении вещей, видя, что во всем поступлено строго канонически, и чувствуя свою вину перед отцами, согласились с соборным определением и папские легаты. Только Лукентий, дыша ненавистью против всех восточных, озлобленный притом явной уликою во лжи, потребовал, чтобы внесен был в протокол его протест, на который подвигл затем и святейшего Льва великого.

Такие, однако, поступки, не нуждаются больше в комментариях, и тем более, что те же самые легаты на 1-м заседании этого собора, когда прочитаны были протоколы соборных Диоскора и с негодованием замечено было, что епископу константинопольскому Флавиану отведено было не свое место среди епископов, а только 5-е, торжественно заявили следующее: «Вот мы, что и Богу угодно, признаем первым господина Анатолия; они же (сторонники Диоскора) поставили пятым блаженного Флавиана». На это Диогеном, епископом кизикским, замечено было: «Вы хорошо знакомы с правилами». Это – во первых; а затем, когда составлялись правила 9 и 17 этого собора, предоставившие константинопольскому епископу право апелляции, право совершенно новое, которого он раньше не имел, то спрашивается, почему они тогда не заявили протеста, тем более, что, согласно утверждению новейших римских богословов, эти два правила «пролагали путь» 28-му правилу? И наконец, если эти легаты так много заботились о том, чтобы свято сохранялись установленные границы дицезов, и особенно не повреждалось бы 6 никейское правило, которое они впоследствии на 16-м заседании так охотно выдвигали, то почему они первые рекомендовали собору, на 10-м заседании, признать за иерусалимским епископом власть над тремя палестинскими провинциями, так что собор, главным образом по их рекомендации, согласился на это и соборным решением утвердил? Этих трех фактов достаточно, чтобы показать всю непоследовательность легатов в их деятельности на соборе и до очевидности ясно доказать, что в их поступках на 16-м заседании руководила ими, и особенно Лукентием, исключительно злоба. А что всего хуже в этом деле, это то, что тот же Лукентий побудил и святейшего Льва великого заявить свой протест.

Как же Лев великий заявил свой протест против решения собора о константинопольском архиепископе?

Мы упоминали выше, что теорию «папства», сочиненную впервые Сирицием в его известном декретале, Лев великий имел возможность развить; дальше мы говорили и о тех обстоятельствах, которые способствовали утверждению этой теории настолько, что даже и сами римские епископы стали верить, что они призваны сказать свое заключительное слово во всех церковных вопросах. Этой теории всего больше предан был Лев великий, который, нужно признать, составляет собою эпоху в истории «папства», после него теория эта развивается уже систематически.

Лев не потому защищает первенство своего престола, что думает, что оно вытекает из божественного права, а защищает его, как епископ апостольского престола, и возвышает свой голос против этого (28) правила, ибо в нем усматривает повреждение преимуществ, дарованных правилами апостольским престолом, каковыми он считает, кроме своего, еще александрийский и антиохийский. Иннокентий, один из предшественников Льва, и свой престол не считал первым, а – антиохийский, который в одном письме от 415 года называет *prima sedes, quae urbis Romae sedi non cederet*. Лев же свой престол и другие два считает равными по власти между собою, а о Константинополе говорит: «Епископ Константинополя, несмотря на всю славу его церкви, все же не может сделать ее апостольскою». Он торжественно заявляет, что «преимущества престолов установлены правилами св. отец» и на первом месте преимущества его престола; признает таким образом, что преимущества эти имеют своим источником не божественное, а церковное право. Он не восстает против этого правила потому, что оно причиняет ущерб «божественному праву» римского престола; ни в одном из писем, писанных по этому поводу, он не выдвигает этой власти, а восстает против него потому, что находит, что им причиняется ущерб постановлению Никейского собора, и именно 6 правилу этого собора. Он не порицает этого правила халкидонского собора за то, что содержит в себе что-либо по существу неверное, а за то, что оно не вытекает из постановлений Никейского собора, который, по мнению Льва, единственно был компетентным устанавливать преимущества, как его, так и прочих престолов. Если бы Лев имел какое-либо понятие о том, что его власть имеет своим источником божественное право, то если где, то здесь именно он не пропустил бы случая сослаться на него. Однако, свой голос он возвышает лишь во имя долга своего – быть верным блюстителем правил, во имя неприкосновенности 6 Никейского правила. Лишь впоследствии в этом правиле нашли, что оно содержит в себе Богом дарованную римскому престолу власть над всею церковью, когда первоначальный текст правила был фальсифицирован, когда в правило внесены знаменитые слова: «римская церковь имела всегда первенство», и это первенство установлено самим Богом; однако, в подлинном тексте этого не было, и, следовательно, на нем нельзя было и основывать указанные претензии.

Своею властью Лев дорожит, как властью кафедры Петра, и во имя этой власти он восстает против этого халкидонского правила. Однако, ни здесь, ни где-либо на другом месте в своих сочинениях он не заявляет претензий быть наследником Петра в смысле особенного единения с Петром, а лишь наследником Петра по кафедре, что уже имеет большое значение, если даже и допустить, что Петр получил особенную от других апостолов власть и что он именно основал римскую церковь. При этом, как таковой, Лев не претендует на какую-либо, ему лично принадлежащую, власть над всею церковью во имя Петра, а лишь как епископ одной из апостольских церквей, хотя и выдающейся в свое время, и на западе единственно апостольской, епископу которой, согласно упомянутому никейскому правилу, отведено первое место между всеми епископами христианского мира; он возвышает свой голос в защиту и других апостольских церквей, которые он считает по власти вполне равными своей и которые, по его мнению, должны оставаться всегда, несмотря на их большее или меньшее, в политическом отношении, значение, первыми перед церквами неапостольского происхождения, хотя бы они были и церквами императорских столиц. А что Лев только так и понимал свою власть, – видно, между прочим, из того, что придуманный его легатами на 4-м заседании этого собора титул – *universalis ecclesiae papa* – ни он, ни впоследствии Григорий великий (590–604) не хотели принять.

На другом месте мы имели случай показать, как понимал Лев великий слова Спасителя, сказанные Петру, когда он исповедал Его Сыном Божиим. Из той же самой беседы, которую мы там разобрали, мы могли бы привести и много других мест о первенстве

Петра, напр., когда Лев подчеркивает первенство посвящения Петра, привязывающего его ко Христу, или когда упоминает о власти вязать и решать, данной Петру, которую власть он находит и у всякого епископа, проникнутого правдивостью Петра, т.е. который решает дела так, как если бы то сам Петр учинил; хотя иначе в этой беседе, в виду ее панегирического характера, есть и многое такое, что свидетельствуешь о священном увлечении Льва в отношении к Петру, но что только увлечением и должно назваться, по сравнению с общим учением его об этом. В письме своем к Максиму антиохийскому Лев ставит выше всех кафедру антиохийскую, так как Петром основана; свою же считает во всем подобною ей, и собственно считает ее старше своей. Впрочем, мы увидим ниже, что на преемство свое на кафедре Петра в Риме Лев смотрите совсем иначе, чем позднее римские папы в IX веке.

Проникнутый верой в свою верховную власть, как первого епископа христианского мира и епископа одной из апостольских кафедр, Лев считает своим призванием быть хранителем правил, и как таковой, оставаясь верным принципу, высказанному еще в III веке римским епископом Стефаном в его распри с Киприаном о перекрещивании еретиков, «что не следует вводить никакие новшества в то, что передано», он высказывает, что «никакими новшествами не должны быть изменяемы или насильственно умаляемы привилегии церкви, установленные правилами св. отцев и утвержденные определениями св. Никейского собора», а посему свидетельствует, что его апостольская кафедра никогда не одобрит того, что не согласно с их (никейских-то отцев!) правилами и постановлениями, и с этой точки зрения заявляет, что он не может согласиться с требованиями 28 правила халкидонского собора.

Сколь благородною должна почитаться такая священная преданность Льва соборным установлениям; но, с другой стороны, надо сожалеть, что такой святитель, каким был Лев великий, мог настолько увлечься, по крайней мере на первых порах, духом противления, что даже некоторые из западных ученых должны были заподозрить его в зависти к константинопольскому престолу. Впрочем, все это противление Льва вызвано было преходящими обстоятельствами и продолжалось весьма не долго, так как мы далее увидим, как он обо всем этом совершенно иначе судит.

Льву в недостаточной мере было известно иерархическое положение церкви на востоке, равно неизвестна ему была и деятельность халкидонского собора. О первом мы заключаем из его писем, касающихся нашего правила. О деятельности же халкидонского собора он осведомлен был неверно Лукентием, который, проникнутый злобой к восточным, старался вселить тот же дух и в благородное сердце Льва, и если в этом не успел в той мере, в какой хотел, все же успел представить отцев халкидонсдаго собора не менее, как «нарушителями» закона, и побудить римского святителя выразить свое негодование, по поводу постановления собора о константинопольском епископе, императору и императрице, а также Анатолию константинопольскому, отцам собора и другим. А что он неверно был осведомлен об этом деле, свидетельствует содержание его писем.

Как только вернулся в Рим Лукентий и сообщил по своему о случившемся, Лев, не ожидая точных данных о деле, написал четыре письма в один и тот же день (22 мая 452 г.): Маркиану, царице Пульхерии, Анатолию и епископу Юлиану, своему представителю в Константинополе. В первых трех письмах просто-напросто он нападает на Анатолия, выдвигая его честолюбие (*ambitio*), которое только и могло якобы дать повод к изданию этого правила; далее утверждает, что лишь апостольские кафедры должны пользоваться первенством, что Анатолий должен довольствоваться тем, что он епископ столицы, что никейский собор установил порядок между первопрестольными епископами и что им установленный порядок не должен нарушаться, и другой собор не может изменять его,

что он не знает никакого правила II вселенского собора, на которое собор ссылается, что отцы, повидимому, принуждены были согласиться на такое постановление, что Анатолий виноват, дозволивши себе противиться доводам его легатов и т.д. Четвертое письмо совсем иного содержания и оно разрешает всю загадку резкости тона писем Льва. Оно адресовано папскому представителю Юлиану и заключает в себе укор ему за то, что он не поддержал Лукентия, а рекомендовал ему даже согласиться с определением собора.

В Константинополе все эти письма Льва произвели самое не-приятное впечатление по своей необычности и новизне. Да кто же лучше мог знать нужды восточной церкви, как не члены халкидонского собора, которые все, кроме папских легатов, были восточными епископами? Кроме того, разве западные лучше могли знать мысль отцов Никейского (восточного) собора, руководившую ими при издании своих правил, нежели восточные? Далее, не показали ли западные, что не знают никейских правил, ибо смешивали их с правилами сердикского собора, а если и знали их, то в фальсифицированном виде, что доказал один из легатов, прочитавший из какого-то своего сборника 6 правило Никейского собора? При этом, на каком основании один епископ поместной церкви восставал против решения вселенского собора, раз и преимущества его церкви установлены не кем-либо иным, как собором же? За такую необычность писем, Константинополь должен был бы ответить Льву тоном, какой его письма заслуживали. Однако, он этого не сделал по основаниям, которые мы уже приводили, а ответил самым миролюбивым тоном, уверяя святителя, что неверно был осведомлен о деяниях собора и что дела совсем иначе обстоят, чем ему представлены. Когда ответ из Константинополя был получен, Лев стал, надо полагать, обо всем иначе думать; тогда он обратил большее внимание на донесения своего специального легата, Юлиана. Живя в Константинополе и имея случай собственными глазами ознакомиться с настоящим положением дел на востоке, Юлиан во всяком случае мог сообщить Льву более точные сведения, нежели Лукентий, который с восточными делами только тогда ознакомился, и, как мы уже знаем, не был чужд пристрастия. Кроме того, Юлиан пользовался большим доверием у Льва, что можно заключить из одного из его писем, в котором рекомендует его особенно императору и императрице; а потому донесения Юлиана, хотя на время и могли быть оставлены Львом без внимания, однако не надолго, тем менее теперь, когда из Константинополя получился совсем иной ответ, чем какого он ожидал.

Вследствие этого, Лев обратился в следующем году с письмом к Юлиану, требуя выслать ему все протоколы халкидонского собора в точном латинском переводе, так как протоколы, полученные им, не были вполне вразумительны и давали место многим недоумениям. Очевидно, святителю хотелось во всем самому разобраться и проверить сообщенное ему Лукентием и лишь тогда произнести свой окончательный приговор. Это было в начале марта 453 г., когда Лев решился на такой шаг; однако, немного спустя, он иначе поступает, что объясняется снова дурным влиянием на него Лукентия. Не дожидаясь на письмо свое ответа Юлиана, имевшего доставить ему подлинные протоколы собора, Лев снова посылает несколько писем на восток, сначала отцам халкидонского собора, а затем Максиму антиохийскому, подтверждая прежнее свое суждение о нашем правиле и осуждая «амбицию» Анатолия

Ниже мы увидим, как Лев в своем письме Анатолию от марта 458 года обо всем иначе судит; теперь же бросим беглый взгляд на доводы, которые Лев приводит в своих письмах.

Лев защищает принцип, по которому лишь епископы апостольских кафедр, т.е. церкви, основанных апостолами, имеют право на первенство, остальные же, какое бы значение их город ни имел, должны довольствоваться местом после них. Здесь Лев несправедливо

рассуждает. Не апостольское происхождение какой-либо церкви служило основанием для первенства одной церкви перед другою, а всегда политическое значение известного места. Разительнейшим доказательством этого служат сами апостолы, которые не искали незнатных в политическом отношении места, чтобы основывать епископские кафедры, а всегда важные в этом отношении места, политические центры, между которыми Рим, конечно, как главное место запада, Александрию как главное место Египта, Антиохию как главное, место Сирии и др. Петр, напр., по свидетельству Деяний Апостольских, проповедовал в Лидде, в Иоппии, в Кесарии, во многих местах Понта, Каппадокии, Вифинии, Асии, Галатии и др., и все-таки эти церкви, основанные Петром, имевшие своих епископов и даже митрополитов, не получили особенных привилегий, несмотря на то, что были и старше других, Петром основанных, а таковые привилегии получили лишь главные политические центры. (Также и Андрей, и Павел и др. апостолы). Такими своими действиями апостолы дали пример, как должны впоследствии поступать их преемники. Если бы Константинополь в апостольское время имел в политическом отношении такое значение, какое приобрел после Константина, апостолы во всяком случае не обошли бы его, а, по всей вероятности, Петр и Павел первые основали бы там кафедру, как в центре, из которого легче было бы распространять христианство, и лишь потом заботились бы о других центрах. Константинополь во всяком случае пользовался бы приматом, который достался, так как не было Константинополя, Риму, как столице императора. Подражая апостолам, апостольские преемники, когда Константинополь стал столицей, сделали то, что сделали бы на их месте и апостолы. Не повторяясь здесь того, что мы сказали на другом месте по этому вопросу, обращаем лишь внимание на то, что определение, сделанное антиохийским собором, по которому церковное деление областей должно совпадать с делением политическим, усвоено было и западною церковью и там этим принципом руководствовались во все века. Приводить примеры излишне, ибо их слишком много. Достаточно взглянуть на кафедры архиепископов, примасов и патриархов не на востоке, а именно на западе, и на места, в которых они находятся, и сравнить их с местами, в которых апостолы без всякого сомнения проповедовали и церкви основывали, и на низкие в иерархическом отношении степени, занимаемые этими местами и их предстоятелями, чтобы убедиться, что и западная церковь в своей практике следовала тому же принципу, который Лев вынужден был в данный момент отрицать в теории. Кроме того, и 17 правило этого собора категорически требует, чтобы политическое значение какого-либо места имело значение и в церковных делах. А упомянутое правило не только не вызвало протеста со стороны легатов Льва, а напротив, на него ссылается, о чем была уже речь в толковании 9 правила этого собора, Николай I, доказывая впрочем то, что восточные не сочли нужным даже опровергать.

На основании того, что Лев говорит о привилегиях апостольских кафедр, константинопольский архиепископ должен был бы возвратиться на ступень, на которой был еще тогда, когда Константинополь был маленькой Византией, вернуться, следовательно, назад почти за 150 лет и стать зависимым от ираклийского митрополита. В письме к императрице Пульхерии он, по крайней мере, так выражается, утверждая, что все права ираклийского митрополита должны быть сохранены. Сколь справедливо такое требование Льва великого, – не будем теперь разбирать; заметим во всяком случае, что такое требование не могло зародиться где-либо, как только в завистливом и злобном сердце Лукентия. Ибо игнорировать практику константинопольской церкви с половины прошлого столетия и до половины настоящего (V) столетия, игнорировать общепризнанный обычай, давностью освященный, на основании которого признаны привилегии и римского престола, игнорировать деятельность Златоуста, как константинопольского архиепископа, и побуждения, вызвавшие эту деятельность, равно и деятельность его непосредственных предшественников и преемников на константинопольском престоле, и, таким образом, согласиться с решением о нем

пресловутого собора «под дубом», все это можно предположить у какого-то Лукентия, а отнюдь невозможно приписать личным побуждениям Льва великого.

Лев имеет полное право выставлять себя первым блюстителем правил, и еще больше имеет право, когда говорит, что 6 правилом Никейского собора установлен порядок старшинства между перво-престольными епископами; однако, он неправ, когда утверждает, будто не все равночестные соборы имеют одинаковую власть в церковных делах, хотя бы и оставались верными духу церкви. При этом, если он признает, что никейский собор утвердил порядок старшинства, значит тем самым признает то, что он имел право это сделать, следовательно, соборам именно и принадлежит право устанавливать эти старшинства. Никейский собор утвердил обычай, согласно которому особенными привилегиями, наравне с римским епископом, будут пользоваться и епископы александрийский и антиохийский; халкидонский же собор сделал то же самое, – утвердил обычай, согласно которому таковыми привилегиями будет пользоваться теперь и епископ константинопольский, который, как епископ новой столицы, пользуется и первенством чести среди других епископов, но после епископа старой столицы.

Далее, Лев выставляет несколько доводов, в которых насквозь виден дух Лукентия, ибо они суть повторения того же самого, что Лукентий высказал уже на соборе. Лев заявляет, что ему, во первых, неизвестно правило (3) II вселенского собора касательно константинопольской кафедры, а затем, во вторых, он унижает упомянутый собор. В опровержение первого мы можем сослаться на заявление его же легатов на 1-м заседании собора и заявление Евсевия дорилейского на 16-м. Касательно второго нужно лишь удивляться, как мог себе позволить Лев так выражаться, когда впоследствии другой римский епископ, Григорий великий (590–604), о первых четырех вселенских соборах – вот что говорит: «Свидетельствую, что я принимаю и почитаю четыре собора, как четыре книги св. Евангелия, а именно: никейский, константинопольский, ефесский и халкидонский».

На заявления, сделанные Лукентием на соборе, что лишь честолюбием Анатолия вызвано настоящее правило и что отцы принуждены были подписать оное, повторяемые теперь Львом в его письмах к императрице Пульхерии и Анатолию, после всего сказанного, нет надобности обращать внимание. Эти упреки были мимолетными проявлениями гнева святителя, вызванного злым духом, и больше ничего. Об этом свидетельствует второе его письмо, адресованное Юлиану в марте следующего года, в котором он требует точного перевода всех актов собора. Все эти «доводы», выдвинутые на первых порах Львом, им же самим впоследствии были, если не строго формально, то на деле взяты назад, особенно когда из письма Анатолия убедился, что не его честолюбием вызвано соборное определение, а стечением обстоятельств, так что впоследствии мы видим Льва в самых тесных сношениях с константинопольским епископом.

Однако, в том самом противлении решению халкидонского собора о епископе столицы, противлении, вызванном мимолетным увлечением и выраженном в нескольких письмах, все же видна возвышенность характера святителя и сознание святости своего епископского долга, сознание уважения к правам других епископов, виден, далее, дух смирения, которым должен быть проникнут епископ. Он считает себя преемником апостольским и, как таковой, считает своим первым долгом быть хранителем соборных постановлений и упрекает тех, которые не блюдут, как он, этих постановлений. «Все, что противоречит св. правилам, есть большое зло, так что терпимым быть не может», – говорит святитель Лев. Однако, как апостольский преемник, он все же не считает себя ни в каком отношении выше других апостольских преемников, каким-либо особенным господином всей церкви. Во всех его письмах мы не находим ни единого слова, которое

намекало бы на какую-либо автократическую власть его, или требовало бы, на основании какого-либо «божественного права», чтобы что-нибудь было сделано. Он осуждает всякое новшество и заявляет, что его апостольский престол никогда такое не одобрит (*apostolicae sedis nunquam poterit obtinere consensum*); он решительно защищает права митрополитов, и никогда, говорит, не подаст своего голоса, чтобы эти права их были урезаны; во всех письмах он все свои силы употребляет на защиту никейских правил; их святость, говорит, должна быть обязательной для всей церкви и на все времена. За его послание о православном веровании он удостоен был самых лестных отзывов и таких похвал, какие только греческий язык в состоянии выразить и которые могли бы украсить самый вдохновенный панегирик, но он, все-таки, этим не превозносился и не принял титула: «архиепископа всех церквей вселенной», каковой титул хотели присвоить ему его легаты на 4-м заседании этого собора. Во всех посланиях и беседах своих он говорит о преимуществах своей кафедры, как апостольской, однако только в смысле первенства и полноты даров вселенской церкви. Вот как он пишет собранному на собор в Ефесе епископам: «Епископ Лев святому собору, собравшемуся в Ефесе (желает) о Господе всякого блага. Благочестивейшая вера благосклоннейшего императора, зная, что к его славе по преимуществу относится то, если внутри церкви кафолической не будет произрастать никакое зерно заблуждения, оказала такое уважение к божественным догматам, что для исполнения святого своего намерения призвала авторитет апостольской кафедры, как бы желая от самого блаженнейшего Петра получить разъяснение того, что было по-хвалено в его исповедании, когда на вопрос Господа: «за кого люди почитают Меня, Сына человеческого» (Мф. 16, 13), ученики представили различные мнения людей; но когда сами они были спрошены, как веруют, то первый из апостолов, соединив в кратком слове полноту веры, сказал: «Ты Христос, Сын Бога живого» (Мф. 16, 16)... Поэтому и Господь отвечал Петру: «блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах. И Я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 17–18). Слишком далек от состава этого здания тот, кто не принимает исповедания Петра и противоречит евангелию Христа... Впрочем, так как не должно оставлять без попечения и таких, и христианнейший император весьма справедливо и благочестиво пожелал составить собор епископов, дабы полным рассуждением могло уничтожиться всякое заблуждение: то поэтому я и послал моих братьев, епископа Юлиана, пресвитера Рената и сына моего диакона Илария, и с ними нотариуса (писца) Дулыцития, испытанной нами веры, которые заменили бы мое присутствие на святом собрании вашего братства и общию с вами мыслью постановили бы то, что должно быть благоугодно Господу». Отцам же халкидонского собора святитель пишет: «Епископ Лев святому собору в Никее (Халкидоне), любезнейшим братьям желает о Господе всякого блага. Я желал, возлюбленнейшие, чтобы по любви к нашему собранию, все священники Господа стояли в одном благовоинстве кафолической веры и чтобы никто не поддавался или ласкательствам, или угрозам мирских властей, так чтобы отступить от пути истины. Но так как часто происходит многое такое, что может возбуждать раскаяние, а милосердие Божие превосходит вины согрешающих, и наказание для того замедляется, чтобы могло иметь место исправление: то должно быть принято полное благочестия намерение благосклоннейшего императора, который пожелал, чтобы, для низложения козней диавола и для восстановления церковного мира, собралось ваше святое братство, сохраняя при этом право и честь апостольской кафедры блаженного апостола Петра, так что приглашал и нас к этому своими посланиями, дабы и мы присутствовали на святом соборе, чего однако же не могли позволить ни нужды времени, ни какое-либо обыкновение. Впрочем, в этих братьях, т.е. епископах, Пасхазине и Лукентии и пресвитерах Бонифации и Василии, которые отправлены от апостольской кафедры, пусть считает ваше братство, что и я присутствую на соборе и пребываю с вами неотлучно, потому что теперь нахожусь в этих моих заместниках и давно уже присущ вам возвещенном кафолической веры, так что вы

не можете не знать, как мы веруем на основании древнего предания, и не можете сомневаться в том, чего мы желаем». Кроме заботы о значении своей кафедры, Лев, как видно, не забывает и значения вселенской церкви, представленной халкидонским собором, перед которым хочет исповедать свою веру и которой своей власти не навязывает, а лишь ожидает, чтобы ею (церковью) истина была утверждена и провозглашена.

Строгим протестом легатов против данного правила и письмами Льва против того же правила от мая 452 по июнь 454 г. уничтожено ли было 28-е правило? Конечно, так должно бы быть, и правило наше должно было бы тогда же и навсегда потерять свое значение, если бы в то время господствовало теперешнее понятие о «папстве» или хотя бы понятие, составленное во времена Николая I. Но это был только V век, когда теория о «папстве» находилась только в зародыше и лишь впоследствии достигла чудовищных размеров. О какой-либо абсолютной, универсальной, непогрешимой, божественной власти римского епископа, которая стояла бы выше вселенских соборов, в это время не имел понятия ни тот же римский епископ, а еще менее кто-либо другой. Если бы отцы халкидонского собора знали, что этот епископ обладает божественной властью над всею церковью, если бы знали, что от Христа он, действительно, получил такую власть, каковую впоследствии присваивали себе Николай I или Григорий VII, или Иннокентий III, или Вонифаций VIII, то они не требовали бы от Льва просто: «почтить и своим согласием» их постановление, а повергли бы оное на его утверждение, которым обуславливалась бы пригодность или непригодность этого постановления; далее, если бы они знали, что этот римский епископ, действительно, обладает должной властью, то нельзя было бы не допустить, что они сразу уступили бы, как скоро последовало письмо Льва к императору в мае 452 года против нашего правила; невозможно тоже допустить, чтобы они решились даровать другому то, что этому римскому епископу по божественному праву принадлежит. Если бы и сам Лев знал, что он, действительно, обладает такою властью, на какую заявлял свои претензии 13-й папа его имени (Лев XIII), то он упразднил бы названное правило во имя своей божественной власти, какую должен был бы обладать как «наместник самого Христа», и предал бы анафеме упорных, как это делают, доходя до смешного, из-за каждого пустяка, папы новейшего времени. Не только отцы халкидонского собора, повторяем, но и сам Лев великий не имели и понятия о божественной власти римского епископа; таким образом правило это, утвержденное голосом вселенского собора, высшей и единственно-непогрешимой властью в церкви, сразу получило юридическую силу, и эта юридическая сила признана была за ним как на востоке, так и на западе.

В 454 (451) г. император Маркиан, от своего и соправителя западной половины империи Валентиниана III имени, издал указ, которым подтверждалась привилегия, дарованная правилами св. церквам. Указ этот отменен был, однако, в 476 г. Василиском, так как Аркадий, тогдашний константинопольский патриарх, не хотел, как известно, подчиняться предписанию его, о восстановлении на кафедрах двух монофиситских епископов. Но в следующем году, новым императором Зеноном провозглашена была снова действительность 28-го правила халкидонского собора; затем Юстиниан, новеллой CXXXI, установил, чтобы «согласно определению церковных правил святейший папа старого Рима был первым между всеми святителями, блаженнейший же архиепископ Константинополя, нового Рима, иметь будет второе место, после святого апостольского престола старого Рима; однако занимать будет место выше других престолов».

Несколько спустя, и западом была признана привилегия, дарованная настоящим правилом константинопольскому архиепископу. Сам Лев великий, в письме от 14 марта 458 г., если категорически и не отменил того, что раньше писал против данного правила, все же

привилегии, дарованные константинопольскому престолу, молча признает. В одном письме к Анатолию Лев выражает сожаление, что некоторые, подведомственные константинопольскому престолу, лица поддерживают еретиков, и рекомендует Анатолию отлучить их от церкви. Анатолий выразил неудовольствие, что Лев вмешивается в дела, которые не входят в его юрисдикцию, на что Лев, в упомянутом письме от 14 марта, отвечает, между прочим: «Вы не должны сердиться за то, что я вам напомнил о том, чтобы расследовано было то, что молва приписывает подведомственным вам святителям; я этим вовсе не думал оскорбить ваше достоинство, а имел в виду именно вашу репутацию, которой дорожу, как и своей собственной».

Как видно, Лев признает совершившийся факт, и если он этого не признает и формально, то в этом, во всяком случае, ему мешают его прежние письма, которые, конечно, теперь ему трудно было взять назад. Непосредственные преемники Льва не так поступали, как он, а снова восстали против привилегий, дарованных константинопольскому престолу. Однако, это было мимолетное явление, вызванное обстоятельствами времени и особенно тем, что второй преемник Анатолия, Акакий, главный виновник известного «эногикона» императора Зенона, не пользовался уважением среди православных. И мы видим, что Геласий римский (492–496), в своем письме к епископам Дардании, решительно восстает против привилегий, дарованных константинопольскому епископу, раз эти привилегии служат во вред православной вере. Это, впрочем, был последний голос протеста против 28 правила халкидонского собора, и с тех пор, особенно же после издания упомянутой новеллы Юстиниана, оно было признано действующим во всей церкви.

В начале VI века блаженный Авит, епископ виенский в Галлии († 525 г.), писал Иоанну константинопольскому и признает за ним привилегии, принадлежащие ему, как епископу столицы. На так называемом VIII вселенском соборе (869), 21 правилом, признано было первенство константинопольского епископа, после римского. Когда Константинополь был во власти латинян, в начале XIII века, состоялся в Риме, в латеранском храме, всеобщий собор, называемый римлянами «двенадцатым вселенским», и вот этим собором, когда папой Иннокентием III назначен был константинопольским патриархом тосканский пресвитер Гервасий, составлено было следующее (5) правило: «Возобновляя старые привилегии Патриарших престолов, согласиём св. всеобщего собора, определяем, чтобы после римской церкви, которая по милости Божией имеет первенство обычной власти над всеми другими, как мать всех верных во Христе и учительница, должна иметь первое место константинопольская, второе – александрийская, третье – антиохийская и четвертое – иерусалимская, с сохранением каждой из них своего достоинства». Начальные слова этого правила наглядно показывают, какое значение имел протест римских легатов на халкидонском соборе против привилегий, дарованных константинопольскому епископу, и что непризнание этих привилегий римским епископом имело преходящий характер. Наконец, когда при папе Евгении IV состоялась известная флорентийская уния, то в знаменитом *Decretum unionis* читаем следующее: «Патриарх константинопольский будет вторым после святейшего римского папы, александрийский – третьим, затем четвертым – антиохийский и пятым – иерусалимский, с сохранением всех их привилегий и прав».

Мы довольно полно, как нам кажется, изложили историю этого халкидонского правила. В заключение должны сделать еще одно замечание касательно современного положения дел. Правило это, как решение истинного вселенского собора, тотчас после подписания получило юридическую силу, какую, как таковое, должно было получить. Хотя против этого правила возвысили свой протест сначала легаты папы Льва, а затем и сам этот папа, все же этот протест продолжался, пока не были разъяснены некоторые обстоятельства и не устранены некоторые недоразумения, а после оно признано было имеющим юридическую силу и легатами и папою. Между тем, как прежние, так и теперешние

римские богословы напрягают все силы, чтобы доказать, что это правило узаконило нечто противозаконное. Такое положение вещей было бы почти невероятным или, по крайней мере, непонятным, если бы неизвестно было, что правило это касается того престола, на котором сидели Фотий и Михаил Керулларий, и что, следовательно, партийная дисциплина, выражаясь митинговым языком, заставляет римских богословов восставать против настоящего правила. Базисом для этого служат несколько писем Льва, написанные, вскоре после собора, под влиянием завистливого, в Константинополе презренного, его легата Лукентия. На основании этих писем, следовательно, римские богословы, побуждаемые партийной дисциплиной, ухитряются доказывать то, что, при наличии существующих исторических документов, совсем доказать невозможно. Отсюда натянутость в доказательствах, отсюда разноречивое между ними же толкование нашего правила. Они защищают Льва, пока он протестует против этого правила, и доказывают, что точка зрения Льва в этом канонически-правильна. Если бы Лев остался при своем протесте, если бы и прочие папы и соборы протестовали так же, как Лев в начале, то их защита была бы делом нетрудным. Как не признавали они правил других восточных соборов, так не признавали бы и этого правила, – и делу конец. Однако, сам Лев отказался от первого своего протеста, а следующие папы и соборы признали то, что установлено этим правилом, так что нужно было все это истолковывать так, как это выгодно для своей партии. А чтобы этого достигнуть, нужно было некоторые данные, относящиеся непосредственно к вопросу и служащие ключом, могущим разгадать загадку, обойти молчанием, как, напр., письмо Льва великого к Анатолию от марта 458 года, или же письмо блаженного Авита Иоанну константинопольскому; другие данные нужно было истолковать превратно, как, напр., указы Маркиана и Валентиниана от 454 года, или письмо Льва к Юлиану от марта 453 г., и наконец, нужно было создавать такие комбинации, которые решительно противоречат началам здоровой критики. Защищая Льва, пока он в письмах от 454 г. восстает против этого правила, они принуждены впоследствии осуждать его, когда он вступает в иные отношения с Анатолием; далее, они принуждены осуждать пап: Адриана II, при котором состоялся собор 869 года, Иннокентия III, при котором состоялся латеранский собор, и Евгения IV, подписавшего первым *Decretum eoncilii Florentini*, наконец, они принуждены усумниться в доброкачественности своего *Corpus juris canonici*, на видном месте которого красуется текст данного правила. Ко всему этому последовательно должно было привести их стремление – представить определение нашего правила противозаконным. Конечно, они этого не высказывают, однако к подобному заключению, особенно при ухищрениях некоторых из них согласовать между собою последние действия папства с первыми, должен придти каждый, кто читает все эти многочисленные их толкования, будь он православный или римско-католик, если только сколько-нибудь знаком с церковной историей IV и V веков.

К этому определению собора мы еще вернемся при толковании правил Трулльского собора, который повторил в своем 36 правиле это определение и установил поименно порядок старшинства меаду пятью первопрестольными патриархами.